

Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН

Отделение Российского исторического общества
в Республике Коми

*Материалы к научным конференциям
Выпуск 53*

Ю.П. Шабает, И.Л. Жеребцов

КАТЕГОРИЯ СТОЛИЧНОСТИ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КОМИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ

*Материалы к Всероссийской научной конференции
с международным участием
«Региональные столицы России – точки опоры и роста»
(Екатеринбург – Пермь, 20–22 сентября 2023 г.)*

Сыктывкар, 2023

УДК 39 (470.1/2 + 571.1/5)

Шабаев Ю.П., Жеребцов И.Л. **КАТЕГОРИЯ СТОЛИЧНОСТИ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КОМИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ.** Материалы к Всероссийской научной конференции с международным участием «Региональные столицы России – точки опоры и роста» (Екатеринбург – Пермь, 20–22 сентября 2023 г.). – Сыктывкар, 2023. – 44 с. (Материалы к научным конференциям. Вып. 53).

Издание посвящено анализу культурных ландшафтов и идентичностей городских сообществ в городах Республики Коми – столице Сыктывкаре и Воркуте, являющейся крупнейшим центром угледобычи в европейской части страны, а также в целом на Европейском Севере России. Особенное внимание обращено на смысл и символику «региональной столичности». Показано, что смысл манифестации категорией столичности для периферийных городских центров состоит не столько в том, чтобы подчеркивать роль административных центров, сколько преимущественно в том, чтобы фиксировать их культурное значение для региональных сообществ и их место в культурном ландшафте региона и страны в целом. При этом подчеркивается, что в последние десятилетия городские пространства на Европейском Севере существенно трансформируются, а сами городские сообщества и их идентичности не являются прочными.

Научный редактор

доктор исторических наук В.И. Меньковский

Редколлегия

И.Л. Жеребцов (председатель), И.О. Васкул (зам. председателя), Е.А. Цыпанов (зам. председателя), Н.В. Горинова (отв. секретарь), Н.М. Игнатова, В.Н. Карманов, П.П. Котов, Ю.А. Крашенинникова, Т.Л. Кузнецова, А.М. Мацук, А.Г. Мусанов, П.Ю. Павлов, М.В. Таскаев, Ю.П. Шабаев

Рецензенты

доктор исторических наук Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону)
доктор исторических наук А.В. Сперанский (Екатеринбург)

Печатается по решению Совета Отделения
Российского исторического общества в Республике Коми.

© Институт языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО РАН, 2023
© Ю.П. Шабаев, И.Л. Жеребцов, 2023

ВВЕДЕНИЕ

Многие государства мира на протяжении своей истории меняли столицы: в Испании Толедо уступил столичные полномочия Мадриду, в Польше Краков – Варшаве, в Швеции Уппсала – Стокгольму, в Венгрии Эстергом – Будапешту и т.д.

В России на протяжении ее многовековой истории было пять столиц и еще одна символическая – Новгород. И сегодня в Российской Федерации есть официальная столица государства Москва и символическая «культурная столица» Санкт-Петербург – город, утративший официальный столичный статус в 1918 г., когда столицей Советской России, а затем и СССР вновь стала Москва, но являющийся местом пребывания некоторых федеральных ведомств. Помимо этого, есть региональные столицы – это столицы республик и центры краев и областей, а также «столица Урала» Екатеринбург, «столица Сибири» Новосибирск и множество других «столиц». Сам этот факт, а также культурный состав населения «столичных» городов свидетельствует как о сложном характере «городской истории» страны, актуальности антропологического изучения города в России, так и о значимости категории столичности для маркирования культурного ландшафта страны в целом и отдельных ее регионов, в частности.

В этой связи отдельного внимания заслуживает антропологический анализ городских сообществ, но не только и не столько культурная мозаика столичных (и псевдостоличных) городов, сколько символическое значение столичности, роль этничности в формировании образов столиц и в региональной культурной топографии, символика городских пространств. Мы в данном случае попытаемся показать, как категория столичности проявляется в Республике Коми и на Европейском Севере в целом, как формировались здесь своя «столичная символика», культурная «столичная оппозиция» и как этничность влияла на формирование культурных ландшафтов.

О РОССИЙСКИХ СТОЛИЦАХ И ЭТНОКУЛЬТУРНОМ МАРКИРОВАНИИ ИХ ПРОСТРАНСТВ

Согласно сведениям «Повести временных лет», начало российской государственности было положено в 862 г. варяжским князем Рюриком, который, прибыв на Русь, «срубиша град Ладогу», т.е. основал свою резиденцию, а по сути – первую столицу Государства Российского. Летопись гласит, что Рюрик «сел княжить» в Ладоге, а его братья Трувор – в Изборске, Синеус – в Белоозере. Вскоре братья умерли, и Рюрик стал единоличным правителем. В Первой Новгородской летописи утверждается, что

Рюрик начал свое правление в Новгороде, и многие российские историки называют именно этот город первой столицей России. Но если говорить о Новгороде как о первой столице Руси и историческом центре северорусских и финских племен, то возникает закономерный вопрос: зачем Рюрик, придя на Русь, «срубиша град Ладогу», как гласит летопись. Дело в том, что именно Старую Ладогу, которую «срубиша» Рюрик, обоснованно называют первой столицей Руси [Бранденбург, 1896; Кирпичников, 1996], поскольку в этом поселении, где, видимо, проживали и варяги (на что указывают археологические материалы), первый правитель Руси основал свою укрепленную резиденцию. Примечательно, что центральная улица современного села Старая Ладога до сих пор именуется Варяжской. По данным археологии поселение на месте современной Старой Ладоги существовало уже в VIII в. (но, вероятно, возникло не позднее VII в.), когда появляются первые письменные свидетельства о ней (753 г.).

Датой официального основания города Новгорода историки называют 859 год, но эта дата весьма условна. Археологии, несмотря на все свои усилия (а копали в Новгороде больше, чем где-либо), так и не нашли городского культурного слоя, относящегося к девятому веку. Появляется он, согласно данным радиоуглеродного анализа, лишь в X в. и не с самого его начала. Хотя так называемое Рюриково городище на берегу озера Ильмень действительно появляется где-то в VIII в., но отождествлять его с Новгородом вряд ли правильно. При этом Новгород, безусловно, обрел статус символической древней столицы России, а потому не случайно именно здесь в 1862 г. был сооружен памятник «Тысячелетие России».

Помимо собственно исторического значения, Новгород как символическая «первая столица» интересен своей топографией, поскольку так же, как и факт призвания Рюрика пятью племенами (двумя славянскими и тремя финскими), культурное маркирование его территории показывает, что сложный состав населения России сложился еще на начальном этапе формирования Российского Государства. Город, как известно, был важным звеном на торговом пути «из варяг в греки», который стал формироваться одновременно с российской государственностью. Новгород являлся не только торговым, но и культурным «перекрестком», о чем свидетельствует его квартальная планировка, состоявшая из нескольких «концов».

Если по поводу толкования происхождения названия Плотницкого конца, к примеру, нет особых сомнений (ясно, что здесь важнейшую роль играл цеховой принцип), то по поводу трактовок происхождения названия Людин конец, Неревский конец, Славенский конец могут быть разные точки зрения. Но вполне закономерно связать названия указанных концов с окружающим славяно-финским культурным пространством. Из «Повести временных лет» известно, что Рюрика призвали славянские племена

славен и кривичей и финские – чудь, весь и меря. Славены жили вокруг Новгорода, и естественно, что они были частью его жителей, отсюда, вероятно, и пошло название одного из концов (хотя некоторые исследователи связывают его с поселением Славена). Нерева – одно из финских племен, обитавших на южном берегу Финского залива, людины (людики) – это одна из этнографических групп карел. Не менее показательны и названия улиц древнего Новгорода: Чудинцева, Прусская, т.е. появление их названий связано с проживанием здесь представителей прусских и финских племен.

Рис. 1. План древнего Новгорода

Столь же поликультурным являлось и население следующей столицы Древней Руси – Киева, который был захвачен преемником Рюрика князем Новгородской земли Олегом Вещим в 882 г. С этого времени Киев становится столицей Древней Руси и затем получает наименование «матери городов русских», по поводу которого теперь появляются разные толкования. При этом стоит заметить, что отечественная историография многое сделала для мифологизации «столичных историй», и начало городскому историческому мифотворчеству было положено именно с истории Киева. Российские историки и, в частности академик Б.А. Рыбаков, приложили немало усилий, чтобы доказать, что именно Киев и был самым древним городом на Руси. В СССР было решено считать условной датой основания Киева 482 год. И в 1982 г. торжественно отметили 1500-летие древнейшего русского города. В честь этого события была напечатана специальная почтовая марка. Указанная дата нашла официальное международное признание в лице такой авторитетной организации как ЮНЕСКО. Основанием для «удревнения» истории города явилось наличие небольших поселений на берегу Днепра, возникших в V–VI вв., **которые ряд историков рассматривали** как место основания города. Но большинство археологов и историков не усматривают преемственной связи между этими поселениями и Киевом как городским поселением, полагая, что в таком качестве можно говорить об основании города только на рубеже VIII–IX вв.

Однако показательно то, что Киев был городом поликультурным и в нем в IX в. проживала значительная иудейская община, что, вероятно, было связано с тем, что он находился в сфере влияния Хазарии (хотя сама карта древнего Киева в этнокультурном плане не столь показательна, как карта Новгорода). При этом в отличие от европейских городов, сведений о наличии в древнем Киеве еврейского квартала или гетто нет, как и в других древнерусских городах, хотя в Российской империи в конце XVIII в. была введена черта оседлости для евреев (трактуемая порой как факт дискриминации), что в какой-то мере уравнивало их в правах с другими слоями населения, поскольку свободу передвижения в ту эпоху имели только дворяне и купцы. Впрочем, во времена, когда город являлся частью Речи Посполитой, евреи дважды изгонялись из Киева (не случайно, что само прозвище «жид» пришло в русский язык из польского): в 1495 и 1619 гг., а в 1648 г. запорожские казаки вырезали большую часть киевских евреев. Впрочем, Киев утратил роль столичного града еще в XII в., когда князь Андрей Боголюбский захватил город, но не остался в нем править, а перенес великокняжеский стол во Владимир. А Иван Калита добился в Золотой Орде переноса его в Москву.

Москва также развивалась как город поликультурный. В XIV в., когда русские княжества в результате монгольского завоевания стали вассалами

Золотой Орды на территории Москвы, которая превращается в административный центр древнерусских земель, появляется Татарская слобода, где первоначально располагался посольский двор золотоордынцев, откуда шла прямая дорога в Орду, о чем свидетельствует название улицы Большая Ордынка. Затем в слободе стали селиться татарские купцы и ремесленники. Татарское население Москвы постоянно росло, поскольку многие представители татарской знати после того, как хан Узбек в 1313 г. сделал ислам единственной религией Орды, из-за религиозных притеснений бежали к московскому князю, поступая на военную и государственную службу. При великом князе Василии III в Замоскворечье, между Полянкой и Якиманкой появляется Немецкая слобода, где селились не только немцы, но и многие другие иностранцы. Позднее, когда слобода была сожжена во время набега крымского хана Девлета Гирея, иноземный квартал был перенесен к устью Яузы и москвичами часто именовался Кукуй (по названию близлежащего ручья). В топонимике Москвы до сих пор сохранились улицы Большая и Малая Грузинские, и они тоже не случайны. В 1729 г. располагавшееся здесь село Воскресенское было подарено грузинскому царю Вахтангу VI, и здесь возникла Грузинская слобода, хотя грузины стали селиться в этих местах еще ранее. Этническая маркировка городских улиц, кварталов и отдельных локусов городского пространства имеет место не только в Москве, но и во многих других городах России.

ЭТНИЧНОСТЬ В «ЭТНИЧЕСКИХ СТОЛИЦАХ»

Этнической маркировке многих городов России способствовали не только особенности их культурной эволюции, но также и их последовательная политика этнизации, поскольку после победы большевиков в 1917 г. в стране начались масштабные изменения, связанные с тем, что новая власть взяла на вооружение доктрину этнического национализма. Суть ее заключалась в том, что административные и этнические границы должны совпадать, и каждая этническая группа должна иметь собственное национально-государственное образование, в рамках которой она объявлялась «коренным народом», а все остальные жители – «некоренным населением». Представители «коренной» группы получали на территории «своего» региона определенные политические и культурные преференции. Этничность институционализировалась (создавались специальные институты для «управления» разными этническими группами) и огосударствлялась (государство вводило принудительную фиксацию этнической принадлежности в паспортах и других официальных документах, этническая принадлежность становилась важным ресурсом для карьерного роста государственных служащих) [Тишков, Шабаетов, 2019].

Россия превращалась в уникальную этническую федерацию, а потому старое административно-территориальное деление страны упразднялось, и для этнических сообществ в зависимости от их численности создавались союзные и автономные республики, национальные округа и районы и даже национальные сельсоветы. Естественно, что центры новых «национальных» республик и округов, которые отдавались в символическую «собственность» титульным этническим группам, нуждались в собственных столицах, где должны были издаваться национальные газеты, функционировать национальные издательства и национальные театры. Там, где не было пригодного поселения, которое можно было объявить столицей национальной автономии, приходилось временно возлагать эти функции на города, которые находились за пределами «национальной территории» (основной этнической территории). К примеру, довольно долгое время роль столицы Калмыкии выполняла Астрахань, и лишь потом была отстроена нынешняя ее столица – Элиста.

Чтобы подчеркнуть значимость городов как центров этнических автономий (союзных, автономных республик, национальных округов и областей), упразднялись их старые названия и утверждались новые. Так, уездный центр Царевококшайск сначала переименовали в Краснококшайск, а затем в Йошкар-Олу (в переводе с марийского – «Красный город»), Обдорск в Салехард (в переводе с ненецкого – «Поселение на мысу»), село Самарово превратилось сначала в город Остяко-Вогульск, а затем в Ханты-Мансийск, сугубо русский город Верхнеудинск стал столицей Бурятии и обрел новое имя Улан-Удэ («Красная Уда») и т.д. В Коми автономной области в рамках политики «зырянизации» Усть-Сысольск переименовали в Сыктывкар («Город на Сысоле»; «кар» – «город»; «Сыктив», «Сыктыл» – варианты наименования реки Сысолы в разных диалектах коми языка). Но следует отметить, что, в сущности, произошло не переименование, а официальное закрепление за городом его названия, издавна использовавшегося местным населением. Для жителей Коми края их «столица» издавна была «Усть-Сысольском» лишь в официальных документах на русском языке. В обыденной речи подавляющее большинство горожан, а тем более сельских жителей, говоривших на коми языке, именовали город не в «правильном», «официальном» варианте (Усть-Сысольск), а в коми – Сыктивдинкар («Сыктив дин» – «устье Сысолы»), Сыктивкар, а то и просто Кар, т.е. «Город» – других городов в области тогда не было. А в начале 1920-х гг. названия «Сыктивкар» и «Сыктивдинкар» стали широко употребляться и в появившейся комиязычной прессе и литературе [Сыктивкар, 2020].

Превращение некогда небольших сельских или городских поселений в столицы автономий и создание в них региональных центров управления и институтов культурного развития, которые по первоначальному за-

мыслу должны были формироваться за счет местных кадров (что было главной идеей политики «коренизации», проводившейся в 1920-х – начале 1930-х гг.), способствовало тому, что в них сформировался слой интеллигенции и управленцев, являвшихся, как правило, не городскими жителями, а выходцами из села, но занявшими важные позиции в региональной политической и культурной элите. Однако влияние этой новой социальной страты на культурные процессы в городах не было решающим, поскольку в большинстве случаев основная масса горожан не принадлежала к титульным этническим группам. И именно иноэтничное население формировало городскую культурную среду во многих этнических автономиях. Массовая миграция из национальных сел в города началась только в середине 1950-х гг., когда крестьяне получили паспорта и могли свободно менять место жительства. Эти мигранты сохраняли свои этнические корни, но вынуждены были адаптироваться к доминантному этническому окружению, что в первом поколении было связано с переходом почти во всех сферах коммуникаций на русский язык, а во втором во многих случаях сопровождалось сменой этнического самосознания.

Титульные этнические группы в республиках и национальных округах по советской традиции именовали социалистическими нациями (хотя идея нации, рожденная в ходе Великой французской революции, покоится на идее гражданства, а не этничности). И города в национальных республиках играли важную роль в процессе нациестроительства, на что, в частности, указывают исследователи городской жизни: «Невероятно интересен случай дореволюционного, чисто русского по населению уездного города Верхнеудинска, назначенного советской властью быть столицей формируемой бурятской автономии, ставшего в результате основной площадкой и механизмом формирования современной городской бурятской нации... Он не просто сменил название. Изменилась его этническая структура, изменились функции и система отношений и связей. Теперь это уже не только региональный центр, город в сельском окружении, осуществлявший традиционные для этой роли функции организации власти, снабжения, образования и т. д. Прежние функции были оттеснены на задний план новыми, властными задачами. Прежний хинтерланд не исчез – он растворился в новом. Вместе с функциями изменился и этнический состав, но не за счет вытеснения старого населения, а благодаря массовому притоку нового, в значительной степени бурятского. Улан-Удэ можно рассматривать в категориях проекта. Реализуя политическую задачу, город создает нацию из партикуляристского племенного населения. Создает, конечно, не на пустом месте. В последние десятилетия имперской России сформировался немногочисленный, но мощный по интеллектуальному потенциалу, общественно активный слой европейски образованной (через русский язык, культуру и

систему образования) бурятской интеллигенции. Она накопила огромный политический опыт и приобрела вес и влияние в годы гражданской войны. Национальный эксперимент советской власти объединил этот слой и город, в котором до этого буряты практически не жили. Именно город стал инструментом выращивания современной городской нации. Целенаправленно формируются новые социально-профессиональные группы – номенклатура, интеллигенция, городские средние слои, рабочие. Пауперизированное сельское население становится материалом для социальной инженерии. Все это происходит в контексте социалистической индустриализации. Создается (и для индустриализации, и для нациестроительства) система образования – от детских садов до высших учебных заведений. Это важнейший социальный лифт. Еще более значимый лифт – политика коренизации» [Дятлов, 2017: 244].

Стоит заметить, что, в отличие от Верхнеудинска (Улан-Уде), в Усть-Сысольске (Сыктывкаре) преобладало коми население [Рогачев, 2010]; в начале XX в. численность населения города составляла более 6 тыс. чел. На Европейском Севере России было всего два города, в которых численно доминировало нерусское население – Усть-Сысольск и Олонец (который, утратив торговое и оборонительное значение после создания Олонецкой губернии и переноса административного центра в Петрозаводск, потерял и часть русского населения).

Не менее важен и интересен сюжет, касающийся символического значения столиц республик, семиотики городских пространств. Например, как и в Италии все дороги ведут в Рим, в Латвии все пути сходятся в Риге. Путь в Ригу описывается в латышских народных песнях, пословицах, преданиях [Рыжакова, 2002: 87], а латышской столице посвящено множество фольклорных текстов. При этом пространство большого и во многом неведомого для сельских латышей города, населенного преимущественно иноэтничными жителями, а также отдельные элементы культурного ландшафта города имели не только важное символическое значение в восприятии латышей, но и сильно мифологизировались.

Столицы российских республик, особенно те, которые как городские поселения возникли еще до советской власти, также нередко имеют сложную культурную маркировку как для самих горожан, так и для окрестного сельского населения (которая, однако, редко являлась предметом изучения). В качестве примера мы можем сослаться на характер восприятия столицы Республики Коми. Поскольку Усть-Сысольск/Сыктывкар находился в центре этнической территории коми и поныне окружен сельскими районами с преимущественно коми населением, постольку он не мог не притягивать это население, а оно, в свою очередь, не могло не влиять на культурный облик города. В восприятии коми Сыктывкар, действительно,

является неким центром притяжения, «центром цивилизации». Более того, он в их картине мира есть естественный центр и **главный город**, а потому обычно они его просто называют «кар» – город. Другие города республики существуют как бы условно, а Сыктывкар – это «реальный» город, который включен в актуальное социальное пространство сельских коми. При этом, как показывают материалы, собранные ведущим современным специалистом по топонимике коми А.Г. Мусановым, существует некая пространственно-культурная ориентация, связанная с городом, которая свидетельствует о восприятии Сыктывкара как центра некоего символического пространства коми из южных и центральных районов РК. Стереотипная фраза сельских коми «Кытчö мунан? Карö» / рус. «Куда идёшь? В город (в Сыктывкар)» есть своеобразный пространственно-культурный код. Отсутствие в этой фразе названия города, в нашем случае Сыктывкара, воспринимается собеседниками как упоминание объекта достаточно известного в силу его главенства на данной территории, популярности. В зависимости от расположения говорящего по отношению к реке (Сыsole или Вычегде), т. е. по течению или против течения, используются разные пространственно-ориентированные формулировки: «Кая карö» / рус. «Поднимаюсь в город (Сыктывкар)»; «Лэчча карö» / рус. «Спускаюсь в город (Сыктывкар)» [Шабает, 2013:22].

Резкое изменение функций городов, становившихся центрами национальных республик или их превращение в важные национальные культурные центры (например, Тарту в Эстонии, где расположен Эстонский национальный музей и хранится культурное наследие эстонцев, Львов на Украине, который являлся и является центром идеологии украинства, хотя до 1941 г. был исключительно польско-еврейским городом по составу населения), приводило не только к превращению этих городских центров в символически значимые поселения, насыщенные культурными институтами, отвечающими за трансляцию ценностей титульных этнических групп, но нередко сопровождалось стремительным изменением этнического состава их населения, хотя часто это было связано с военными потрясениями и принудительным перемещением этнических групп.

Так, губернский центр Российской империи Вильно к началу XX в. был преимущественно польско-еврейским городом (в 1897 г. литовцы составляли 2,1%, поляки – 30,9%, евреи – 40,0%, русские 20,1% численности населения города), хотя литовская интеллигенция со второй половины XIX в. (эпохи национального пробуждения) воспринимала только этот и никакой другой город как исторически сформировавшийся культурный центр литовского народа. После воссоздания в 1918 г. независимого польского государства Вильно отошел к Польше, и численность его литовского населения сократилась с 2% до совсем ничтожной величины в 1931 г. (0,8%).

Когда в 1940 г. Литва отошла к СССР и стала одной из союзных республик, доля литовцев в Вильнюсе, куда из Каунаса была перенесена столица, стала быстро расти. Уже в 1941 г. она достигла 28,1% (в 2021 г. доля литовцев составила 67,4%, поляков – 15,2 %, русских – 9,6%). До Второй мировой войны Вильнюс называли «Литовским Иерусалимом», имея в виду его еврейское население. В годы войны литовцы (а точнее литовские коллаборационисты, которые служили в охране концлагерей, в дивизиях СС и других воинских формированиях нацистов) уничтожили 200 тыс. литовских евреев, и их усилиями из культурного ландшафта Литвы исчезло прежнее культурное маркирование столицы Литвы.

СЕВЕРНАЯ УРБАНИЗАЦИЯ

Массовая урбанизация на Европейском Севере России начинается в годы советской власти, а точнее – с 1930-х гг., когда здесь в процессе «социалистической индустриализации» начинается разработка месторождений нефти, газа, рудных ископаемых, необходимых для формирования советской экономики мобилизационного типа. В результате на просторах от Кольского полуострова до Полярного Урала возникли десятки поселков и городов, по преимуществу имеющих монопрофильный характер, а Север России в целом превратился за несколько десятилетий в самый урбанизированный регион страны [Замятина, 2019].

Индустриальные города Европейского Севера (так называемые соц-города) [Meerovich, Menkovsky, Zherebtsov, 2019; Меерович, Меньковский, Жеребцов, 2019; Меерович, Меньковский, Жеребцов, 2020] разительно отличались от исторических городов и по своему архитектурному облику, и по составу жителей, и по идентичностям. Главной целью создания этих городов, которые на начальном этапе развития были только промышленными поселками, было освоение месторождений природных ископаемых: медно-никелевых и полиметаллических руд, апатитового сырья и флюорита на Кольском полуострове, угля и нефти на территории Коми автономной области (с 1936 г. – Коми АССР), а заключенные Вельсклага вообще были заняты обслуживанием железной дороги. При рудниках, шахтах, нефтепромыслах создавались так называемые исправительно-трудовые лагеря, заключенные которых и составляли основную часть строителей индустриальных городов и работников различных промышленных предприятий. Лагеря, где жили заключенные, работавшие на стройках и уже построенных предприятиях горной и нефтяной промышленности, были во многом похожи друг на друга и представляли собой барачные «поселки», обнесенные колючей проволокой с вышками для часовых. В каждом бараке помещалось от 100 до 200 человек. [Berdinskikh, Menkovskiy, Zherebtsov, 2017].

Но не только промышленное строительство и эксплуатация месторождений различных природных ископаемых были ориентированы преимущественно на труд заключенных и спецпереселенцев. То же самое имело место и в лесозаготовках, которые играли существенную роль в промышленности европейского севера. Лесозаготовками занимались первоначально отдельные разрозненные заготовительные предприятия, которые, как правило, возникали на базе многочисленных спецпоселков, куда ссылали раскулаченных крестьян со всей страны. В 1929 г. постановлением Совета Труда и Оборона все эти хозяйственные структуры были объединены в предприятия советского типа с централизованным управлением – леспромхозы.

Леспромхозы играли важную роль в местной экономике, а позднее – в культурных и этнодемографических процессах в сельской местности. Но они не могли вырасти в города в силу многих причин и в первую очередь из-за ограниченных возможностей экономического роста и из-за того, что они были оторваны от транспортных магистралей, а заготавливаемый лес сплавляли по рекам. В то же время индустриальным поселкам требовалось все больше рабочей силы, поскольку здесь росли объемы производства, создавались перерабатывающие предприятия, связанные с железными дорогами (Мурманской, Печорской, Архангельской). Советской экономике мобилизационного типа было необходимо все больше сырья и продуктов его переработки, а потому добывающие предприятия Севера расширялись, строились новые шахты, рудники, нефтепромыслы, и небольшие горные поселки превращались в многолюдные поселения промышленного типа.

Первоначально на Европейском Севере значительную часть рабочей силы составляли высланные из центральной России «спецпереселенцы», бывшие «кулаки» и «середняки», священники, офицеры царской армии, интеллигенция. Стоит отметить особый характер освоения Мурмана, ибо до начала 1930-х гг. формы колонизации Кольского полуострова носили преимущественно характер экономически обоснованной инициативы хозяйствующих субъектов и свободного найма рабочей силы. Судьбы спецпереселенцев имеют много общего. Все они с точки зрения идеологов большевизма представляли собой «неблагонадежные элементы» общества, которых необходимо было изолировать и поражать в правах без суда и следствия. 18 января 1930 г. ОГПУ издало директивы, согласно которым началось массовое переселение бывших кулаков и членов их семей в места заключения и ссылку.

Постановлением ВЦИК от 14 января 1929 г. был образован Северный край. В его состав входили Архангельская, Вологодская, Северо-Двинская губернии (последняя со столицей в Великом Устюге) и Коми автономная область. Центром края стал Архангельск. Северный край разделили на пять

округов (Архангельский, Вологодский, Ненецкий, Няндомский, Северодвинский). Кроме того, в Северный край входила автономная Коми (Зырянская) область и острова Белого моря и Северного Ледовитого океана. 5 декабря 1936 г. Северный край преобразовали в Северную область (из его состава выделили автономную область Коми, преобразованную в Коми АССР [Жеребцов, Лейман, 2021]). 23 сентября 1937 г. постановлением ЦИК СССР Северная область была разделена на Архангельскую и Вологодскую.

К концу 1931 г. в 14 регионах СССР сформировалась ГУЛАГовская система спецпоселений для «бывших кулаков». Основным звеном системы были спецпоселок и поселковая комендатура. На 1 ноября 1931 г. в Северном крае на территории 32 районов было построено 211 спецпоселков, в которых проживало 37 925 семей спецпереселенцев в количестве 127 390 человек [Из истории, 2017, Коротаев, 2004, Игнатова, 2009].

На следующем этапе, т.е. с начала 1930-х гг. начинаются массовые репрессии против «врагов народа» и на всем Европейском Севере, включая и исторические города, такие как Архангельск, Вельск, Усть-Сысольск, меняется городской культурный и социальный ландшафт. Как и в поселенческом пространстве Европейского Севера в целом, так и в городах обязательным элементом становятся спецпоселения и исправительно-трудовые лагеря, а заключенные и охрана лагерей формируют некую новую социальную страту северных сообществ, которая и обеспечивала индустриализацию Севера.

Охрана лагерей и сотрудники спецкомендатур состояли из людей, прибывших на Север не по доброй воле, а мобилизованных по долгу службы. Кроме того, они в восприятии заключенных и спецпереселенцев были той группой населения, которая символически и эмоционально отторгалась от обездоленной части населения спецпоселков и лагерных поселений. Данные типы поселений для всех этих групп были чужими, а поскольку никакой интеракции между группами спецпоселенцев и заключенных не было (попытки жестко пресекались), постольку внутри штрафных сообществ не возникало единства и прочной социальной солидарности, а главное, не существовало социальных механизмов для формирования общей поселковой, а затем и городской идентичности (именно из лагерей ГУЛАГа вырастали города). *Жители поневоле не могли считаться реальными горожанами, ибо они не выбирали для себя места своего заключения и не считали их местом жительства, так как были направлены туда насильно и лишь вынужденно адаптировались к условиям жизни в северных поселках и городах, но не интегрировались в местное сообщество, которое и сообществом назвать было нельзя, поскольку население городов и поселков представляло собой разобщенные и отторгающие друг друга социальные ячейки.* Таким образом, новые городские поселки и города возникали, а горожан в них не было, поскольку **общей городской идентичности у их населения сфор-**

мироваться не могло. В подобных поселениях было только статистически учитываемое население.

В Коми, как и в других регионах в 1930–1940-е гг., местному населению категорически запрещалось вступать в личные контакты с заключенными лагерей. За подобные контакты полагались различные административные санкции [Жеребцова, 2003: 40–41], что вместе с официальной пропагандой клеймившей «врагов народа» (сидевших в лагерях) формировало в массовом сознании местных жителей убеждения о серьезной угрозе, которую несут для их благополучия заключенные лагерей и иные категории принудительно перемещенных лиц.

Здесь, как и в других регионах Европейского Севера, были созданы политико-правовые условия для формирования своеобразного социального барьера между заключенными лагерей ГУЛАГа и местными жителями. Культурному дистанцированию двух социальных групп друг от друга способствовало то обстоятельство, что коми и остальная часть местного общества имели разные «социальные паспорта» и были территориально и даже визуально (арестантская одежда) разделены [Шабаев, 2007]. Одни были лично свободны и не испытали в большинстве своем ужасов раскулачивания, депортаций и преследований, а другие были несвободны и поражены в правах, причем часто незаслуженно. Вдобавок ко всему охрана лагерей (особенно в годы войны) часто формировалась из местных жителей, что способствовало негативному восприятию местных сообществ у тех, кто сидел в лагерях, и этот негатив сохранился даже после того, как система ГУЛАГа была разрушена, а бывшие заключенные стали жителями северных промышленных городов. Во всяком случае, наши полевые исследования, проведенные в Коми в 1990-е гг. еще фиксировали память о культурных барьерах, сформировавшихся в республике к 1950-м гг.

История Воркуты начинается с конца 1920-х гг. К тому времени было уже хорошо известно о наличии в Коми залежей ухтинской нефти и печорских каменных углей, а потому в январе 1929 г. на заседании коллегии ОГПУ было принято решение приступить к организации их добычи. Характерно, что сразу же было решено возложить освоение природных богатств края на плечи заключенных. Для начала решили перевести в Коми группы специалистов-заключенных из лагеря на Соловецких островах, которые осуществляли геологоразведочные работы в районе Воркуты и подготовку месторождений к эксплуатации. В 1931 г. на месте временного лагеря возник поселок Рудник (исторический центр города), положивший начало формированию городской среды. К концу 1933 г. в поселке проживало 382 чел., а в лагере при нем – 3600 заключенных. Первоначальная застройка являлась такой же хаотичной, как и в других северных соцгородах. Но зато первый этап формирования поселения открывал большой простор для

ономастикона, который начал формироваться именно в этот период жизни города. Первый палаточный городок геологов называли «Проспектом троглодитов», отдельные группы землянок: «Заря Севера», «Свет шахтера» [Воркута, 2011].

Архитектурный облик Воркуты «эпохи ГУЛАГА» в полной мере этой «эпохе» соответствовал. Топография поселения определялась номерами расположенных на ее территории «зон», ибо значительную часть территории города (Воркута получила этот статус в 1943 г.) составляли обнесенные колючей проволокой лагеря, где располагались бараки, в которых проживали заключенные. На вышках вдоль проволоки дежурили вооруженные охранники, регулярно подсвечивавшие территорию зон прожекторами. В каждом лагере/лагпункте было по 15–20 стандартных бараков. За пределами лагерей были примерно такие же одноэтажные деревянные бараки или даже землянки для вольнонаемных, где для каждой семьи или человека была выделена отдельная комната с минимумом удобств. Топили дровами и углем, за водой надо было ходить к городской водокачке или ближайшей водоколонке.

Иными словами, Воркута в 1930–1950-е гг., как и другие соцгорода Европейского Севера, была городом землянок, бараков и барачного образа жизни. Помимо бараков, в городе появлялись и отдельные общественные здания, в основном деревянные, многие из которых не сохранились. Дорог как таковых практически не было (их мощение началось только в 1941 г., но даже в 1970-х гг. не было полностью завершено), а пешеходные дорожки (тротуары), как и в лесных поселках, делали из досок.

Что касается социального облика населения Воркуты в первые годы ее существования, то, казалось бы, понятно, что он был довольно простым: подавляющее большинство жителей составляли заключенные, которые работали на стройках и шахтах, а остальная часть состояла из охраны и администрации лагерей. Но, помимо этого, в Воркуте, как и в других северных поселках и городах, формально действовали местные органы власти, функционировали магазины, школы, и поэтому существовала небольшая часть вольнонаемного населения, которая не была связана непосредственно с ГУЛАГом, хотя с середины 1940-х гг., когда началось освобождение заключенных, отбывших свои сроки, вольнонаемные работники предприятий и самих лагерей формировались преимущественно из этой категории жителей.

Часть заключенных в воркутинских лагерях, как и в других лагерях Севера, была осуждена по уголовным статьям и числилась как заключенные ИТЛ, а другая часть – по политическим статьям, а потому принадлежала к категории каторжан. Но сама категория каторжан была введена только в 1943 г., и тогда же эти две категории заключенных стали содержать от-

дельно друг от друга (чаще в разных бараках, реже – в отдельных лагпунтах), а до этого все заключенные содержались вместе.

Отношения между уголовниками и «политическими» были напряженными, что нередко использовало в своих интересах руководство лагерей. Лагерная администрация активно привлекала «бытовиков» в качестве бригадиров или временных начальников, за что те получили прозвище «друзья народа». Кроме деления на бытовиков и каторжан, заключенные лагерей делились еще на несколько категорий, и эти категории были тесно связаны с их социально-профессиональным, гендерным и возрастным составом.

В социологическом плане кажется очевидным, что для контактов внутри группы и укрепления ее самости необходимо, чтобы связи внутри группы превалировали над внешними контактами, а на начальном периоде истории Воркуты, Инты, Мончегорска, Кировска, Хибиногорска и многих других соцгородов подавляющая часть их «жителей» в силу своего социального статуса была вынуждена ограничивать свои социальные связи внутрилагерным (поселковым) взаимодействием и трудовыми отношениями с представителями коллективов тех объектов, на которых трудились заключенные и спецпоселенцы. Замкнутость социальных связей в узком территориальном и социальном пространстве, однако, никак не способствовало формированию общегородской или даже локальной идентичности, ибо лагерные сообщества были разделены своими внутренними социальными границами, и там была сложная иерархия [Самойлов, 1990]. Отсутствие активной интеракции внутри городов, не создавало того сетевого социального взаимодействия, которое, согласно Уайту [White, 2008], и формирует идентичность. И не случайно, что ни архивные, ни музейные материалы, ни воспоминания воркутинцев, мончегорцев и т.д. не фиксируют ее наличия, т.е. соцгорода не воспринимались как «свои» теми, кто формально являлся их жителями. Иными словами, как уже сказано выше, ситуация города без горожан была характерным явлением для всех советских индустриальных городов Севера (соцгородов).

Но отсутствие общей городской идентичности не означало отсутствия сформировавшейся в представлениях «горожан поневоле» ментальной карты городов, куда их сослали. Такие карты сформировались, и они являлись отражением специфики социального состава населения, а также и особой организации городского пространства.

Так в представлениях воркутинцев эпохи Первой Воркуты, которую позднее называли *городом-концлагерем*, четко картировались важнейшие элементы социальной топографии города. А главным элементом топографии города была Зона, и потому его ментальная карта была весьма своеобразной, и ее можно воссоздать по рисункам заключенных. Сам город, а точнее городское публичное пространство для заключенных была terra

incognita, поскольку город был неким мифом, большим белым пятном за пределами конкретной зоны, ибо большинству заключенных он был недоступен и неведом.

Воркута воспринималась (и была в реальности таковой) как одна Большая Зона или некая Сеть или Кольцо из лагерей и шахт, внутри которого располагалось белое пятно неведомого заключенным городского пространства. Но хотя подобное маркирование можно считать близким к реальности, городскую территорию в социальном отношении можно было условно разделить на несколько разных по своему социальному и символическому значению пространств: территорию несвободы, которая включала в себя многочисленные зоны, где за колючей проволокой находились заключенные, режим жизни которых был строго регламентирован; территорию полусвободы, где осуществлялась трудовая деятельность (шахты, фабрики, строительные объекты и т.д.), где заключенные трудились вместе с вольнонаемными и над ними не было надзирателей; территория свободы, под которой понималась, прежде всего, воркутинская улица с магазинами, ларьками и гражданскими объектами – административными зданиями и жилыми постройками для персонала лагерей (то самое «белое пятно», которое было неведомо «жителям поневоле»). Но последняя была, как сказано выше, практически недоступна узникам лагерей, а потому в их рисунках, которые специфическим образом отражали ментальную карту, эта улица отсутствовала. С теми или иными вариациями схожие карты можно создать и для городов Кольского полуострова, других соцгородов Европейского Севера, ибо в символическом плане организация городских пространств мало различалась.

В 1952 г. в подразделениях Воркутлага числилось 34 лагерных отделения и лагерных пункта, а численность ее «жителей» составляла 45 тыс. чел., однако в численности жителей «спецконтингент» не учитывался, ибо НКВД проводила собственные переписи населения. За колючей проволокой в это время проживало 72,5 тыс. чел. Но уже к 1959 г., т.е. спустя семь лет, численность жителей возросла до 179,4 тыс. чел. [Воркута, 2011]. «Золотой век» Воркуты наступил в начале 1960-х гг., хотя его все еще называли в ту пору «городом зеков».

Массовый переход к вольнонаемному труду позволил героизировать труд шахтеров и маркировать саму Воркуту не как «столицу ГУЛАГа» и не как город униженных и обездоленных, а как город первопроходцев Севера. Советская мифология изображала граждан СССР как «новую историческую общность людей», а советского человека как особый тип личности, для которой ратный или трудовой подвиг является нормой. Одним из таких подвигов называлось «покорение Севера». Поэтому героика «покорения» стала основой не только общей северной мифологии, но и локальных го-

родских мифов. Согласно воспоминаниям бывших воркутинцев, которые жили в городе в эпоху его расцвета, шахтеры и все воркутинцы воспринимались ими как *сообщество покорителей Севера*. Но именно шахтеры признавались основой воркутинского сообщества. В одной из анкет, которые заполнялись воркутинцами в 2017 г. в рамках реализации проекта «Моя Воркута» по этому поводу респондент написал кратко: *«Шахтеры – люди героической профессии, основа нашего города»*.

СЫКТЫВКАР VS ВОРКУТА

Как сказано выше, в начале 1930-х гг. Коми автономная область превращается в один из основных центров ГУЛАГа, но управленческие структуры Ухтпечлага, Устьвымлага, Севжелдорлага, Воркутлага располагались рядом с промышленными объектами (нефтепромыслами, шахтами), а не в региональной столице [Морозов 1997]. Создание ГУЛАГа в Коми означало, что, во-первых, началось формирование полицентричной структуры областного сообщества, во-вторых, что Сыктывкар переставал быть основным индустриальным центром края, его интегрирующее значение существенно ослабевало. В этой связи вполне понятно, что в конце 1930-х гг. возникла идея переноса столицы на север – в нефтяную Ухту, которая тогда была еще лишь рабочим поселком [Жеребцов 2004: 31]. Не способствовало усилению роли города и то, что северная железная дорога, строительство которой началось в 1939 г., проходила вдали от него. И хотя в 1936 г. Коми АО преобразовали в Коми АССР, а Сыктывкар стал республиканской столицей, он был столицей номинальной, ибо значительная часть территории и промышленного потенциала находились вне ведения республиканских властей [Жеребцов, Лейман, 2021]. Северная железная дорога, которая строилась силами заключенных с конца 1930-х гг. и была призвана соединить Печорский угольный бассейн, а также нефтепромыслы в районе Ухты с центром страны, прошла далеко в стороне от Сыктывкара. До середины 1960-х гг. столица Коми оставалась небольшим и тихим провинциальным городом, застроенным преимущественно деревянными домами. Город был органично связан с окрестными территориями (хотя дорог было очень мало, и основным видом транспорта был водный), его население в значительной мере формировалось и все еще формируется за счет миграции из села [Жеребцов, 2023].

В свою очередь население северных городов, возникших в 1940–1950-е гг. на месте ГУЛАГовских поселков (Ухта, Печора, Инта, Воркута), часто не идентифицировало себя с республикой проживания, а ее территорию условно делило на два этнокультурных анклава: русский индустриальный север и аграрный юг и центр, которые воспринимались как коми терри-

тория. Заполярная Воркута в каком-то смысле становилась неформальной «столицей» севера республики, но при этом она культурно тяготела к центральной России и Ленинграду, на который был ориентирован ее производственный комплекс, основанный на угледобыче. Это нашло отражение в песенном фольклоре, в частности, в словах популярной в советскую эпоху «эзовской» песни:

«По тундре, по железной дороге,

Мчится курьерский «Воркута–Ленинград» (С фонограммы Юрия Никулина и Эдуарда Успенского, CD «В нашу гавань заходили корабли» № 2, «Восток», 2001).

Примерно также воспринималась жителями Якутии ее ментальная карта, где территория делилась на «якутский» север и «русский» индустриальный юг, «русской столицей» которого стал затем шахтерский город Нерюнгри, где основная масса населения связана с угледобычей. Обширные регионы, не имеющие тесных внутренних экономических связей, часто разделены экономическими границами и особенностями хозяйственного уклада жизни жителей разных слабо связанных между собой территорий, но нередко территориальные различия приобретают еще и культурный подтекст. Так, в Архангельской области, где 98% населения составляют русские, ее северная часть исторически была связана с рыбным и зверобойным промыслом и торговлей продукцией этих промыслов, их обслуживанием. А этнографическая группа поморов имела не только хозяйственные, но и конфессиональные отличия не только от других групп русских, но даже и от жителей юга губернии/области, которых именovali ваганами (по названию главной реки – Ваги) и которые занимались преимущественно земледелием и скотоводством. Важский край воспринимался как специфический культурный анклав, и в постсоветское время была попытка сформировать межрегиональное «Важское движение», которое архангельские власти восприняли как сепаратизм (равно как затем маркировали и поморское движение). Центр этого края город Вельск (возникший на два века раньше Архангельска) на некоторых интернет-ресурсах называют «южной столицей Архангельской области». На въезде в город по трассе Москва–Архангельск на достаточно скромной стеле, где большими буквами сделана надпись Вельск, выше написано «южная столица Архангельской области».

Но если обратиться к представлениям воркутинцев о культурной карте республики, то они были довольно определенными и сводились к маркированию этнической границы и определению места своего города в культурном пространстве республики. По поводу границы в Воркуте обычно говорили: «Коми живут до Ухты, а дальше – русские». Таким образом, Сыктывкар символически маркировался не как общереспубликанская столица, а как некий центр комиязычного юга республики. Замкнутость социаль-

ного пространства города и его ориентация на далекие внешние культурные рубежи привела к возникновению в Воркуте неких урбоцентристских настроений, символом которых стал лозунг воркутинских молодежных группировок 1980-х гг.: «Воркута – столица мира!». Этот лозунг родился, возможно, в недрах Первой Воркуты, являвшейся, как уже замечено, своеобразным «Заполярным Вавилоном», ибо большую часть ее населения составляли заключенные лагерей, среди которых были представители разных этнических групп и граждане многих стран мира. Эту фразу на праздновании 60-летнего юбилея города повторил и сделал официальным маркером ее легендарный мэр Игорь Шпектор, долго возглавлявший Союз городов Заполярья и Крайнего Севера, созданного в 1992 г. для спасения северных городов. Сегодня гости города также часто слышат ее из уст воркутинцев.

Воркута во многих отношениях опережала республиканскую столицу: здесь появилась первая в республике студия телевидения, здесь работали лучшие кондитеры, ехавшие сюда из Ленинграда зарабатывать большую пенсию (приезжавшие в Воркуту чиновники из Сыктывкара, обязательно покупали торты местного производства для своих семей). Это был единственный город в Коми (помимо столицы), где имелся свой драматический театр, возникший как лагерный в 1943 г., когда его режиссером стал бывший худрук Большого театра Мордвинов, а состав труппы комплектовался известными актерами московских и ленинградских театров (сосланных в лагерь). Заложенные в 1940-е гг. традиции театральной деятельности долго позволяли сохранять высокий уровень исполнительского мастерства в Воркутинском драматическом театре. Об этих традициях говорится в документальном фильме о лагерном театре Воркуты «Заслуженный артист ГУЛАГа», созданном на республиканском телеканале Юрган. В одном из сюжетов артистка этого театра Татьяна Лещенко-Сухомлинова вспоминает, что первым спектаклем, поставленным на сцене лагерного театра была оперетта Имре Кальмана «Сильва», и сравнивала ее с экранизацией этой оперетты (снятой Свердловской киностудией в 1944 г.), снисходительно заявляя, что уровень игры воркутинской труппы был намного выше, чем в экранной версии. Показательно, что и гастроли многих московских театральных и киноактеров, певцов, эстрадных исполнителей проходили в Воркуте чаще и раньше, чем в столице республики. Обычная культурная оппозиция «столица – провинция» или столица официальная и столица неофициальная в Коми приобрела и очевидное этнокультурное содержание. Как Петербург культурно противостоит Москве, так в Коми Воркута стала символически противостоять Сыктывкару. Апофеозом этого противостояния явились заявления лидеров воркутинских шахтеров в начале 1990-х гг. о возможном выходе Воркуты из состава республики, ставшие реакцией на лозунги о приоритете «коренного народа» и т. п.

Роль Сыктывкара существенно изменилась в 1960-е гг., после того как было принято решение построить возле Сыктывкара крупный лесопромышленный комплекс (ЛПК), который объявили всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Город был соединен железной дорогой с трассой Котлас–Воркута. Из деревянного города он превратился в каменный: началось возведение кварталов многоквартирных домов, построен современный аэропорт и т. д. Возле ЛПК возник целый район, который первоначально был самостоятельным поселком Эжва, а в 1968 г. стал отдельным Эжвинским районом города. Началось активное дорожное строительство, и дороги с твердым покрытием соединили Сыктывкар со многими районами. Все это привлекло в город значительное количество мигрантов, как из-за пределов республики, так и из сельских районов. Площадь города резко выросла, а население с 1959 по 1979 г. увеличилось в 2,5 раза (с 76 до 188 тыс. чел.). Столица Коми превратилась в крупный город, где двухобщинная структура сменилась сложным этническим составом населения. Коми перестали быть доминантной этнической группой горожан (по переписи 1959 г. их доля в составе населения равнялась 48,9%, русских – 36,5%, по переписи 1970 соответственно 35,7% и 52,3%, по переписи 2021 г. – 22,2% и почти 70%).

Массовая типовая застройка территории города, которая началась в 1960-е гг., развитие транспортной инфраструктуры, резкое расширение городской территории привели к тому, что Сыктывкар своим архитектурным обликом во многом стал напоминать другие города страны, а образ жизни его жителей и городская повседневность также типизировались. Но при этом город во многом сохраняет атмосферу нестоличной периферии, тихой провинции, хотя и местными жителями, и приезжими признается, что он играет роль центра огромного региона.

Дуализм восприятия Сыктывкара выражен в том, что, с одной стороны, жители города воспринимают его как региональный центр, играющий важное значение в жизни республики, а с другой – считают его тихим, провинциальным городским поселением, где жизнь не очень динамична, где все друг друга знают: «Здесь даже люди как будто все знакомые, некоторых видишь каждый день в одном и том же месте, в одно и то же время» (из студенческого эссе «Мой город Сыктывкар») [Шабаетов, 2013: 35–36]. Этим объясняется и тот факт, что в сознании населения города отсутствует явно выраженный «комплекс столичности». Весьма показательным, что указанная выше двойственность восприятия города свойственна не только самим горожанам, но и приезжим, о чем можно судить по материалам, размещенным на интернет-сайтах: «Столица Республики Коми оставляет двойственное впечатление. Маленький, какой-то даже домашний город с населением всего 230 тыс. жителей – но при этом местами не покидает чувство, что на-

ходишься в миллионнике: есть и столичный лоск, и мегаполисный драйв» [Буяновский].

Сибирский исследователь В.И. Дятлов, рассмотревший процесс эволюции сибирских автономий и их столиц, полагает, что в культурном развитии городских сообществ в этнических автономиях есть много общего и сама модель формирования «национальных столиц» и этнически ориентированных столичных социумов приобрела классический характер. По этому поводу он заявил: «Классическая модель: «от крестьян к французам». От уездных городов – к маленьким столицам» [(Дятлов, 2015: 238].

Современное сыктывкарское городское сообщество не является символически интегрированным, но наоборот – разделено не только географическими границами, но также границами социальными и культурными, ибо жители Эжвинского района, который, как уже замечено, первоначально существовал как самостоятельный поселок, себя четко идентифицируют как членов сообщества Эжвы. То же самое можно сказать о жителях, отрезанных рекой от города и находящихся на достаточном расстоянии от центра города поселков Краснозатонский, Верхняя Максаковка и др., ибо их жители, как и жители Эжвы, «едут в город», когда садятся на рейсовые автобусы.

Более того, эжвинцы как сообщество, основой которого являлись рабочие Сыктывкарского лесопромышленного комплекса, ментально противопоставляют себя чиновничьему Сыктывкару, который маркируется как иное сообщество, причем менее культурно развитое: «у нас в Эжве – чисто, у вас в городе – грязно, у нас порядок, у вас нет порядка». Городское пространство четко делится на Эжву и Город, что создает ситуацию города в городе. Используя метод когнитивного картографирования, можно сформировать ментальную карту Сыктывкара, представляющую собой условное объединение в общем пространстве города двух самостоятельных городских сообществ (рис. 2).

Конечно, карта эта не является реальной, она существует в головах людей как репрезентация географического пространства города, имеющее некое символическое значение. Но, тем не менее, значимость подобного маркирования и наличие четко выраженной локальной идентичности эжвинцев стали основой для проведения в Эжве в 2000 г. референдума о преобразовании Эжвинского района в самостоятельный город. На основании итогов референдума (большинство участников поддержали идею) депутаты совета района приняли обращение к республиканскому парламенту, а тогдашний Глава Республики Коми В.А.Торлопов даже подписал указ о создании города Эжва, который был вскоре опротестован Конституционным судом.

Но мозаичный/многосоставной характер городских пространств характерен для многих городов Европейского Севера, возникших еще в про-

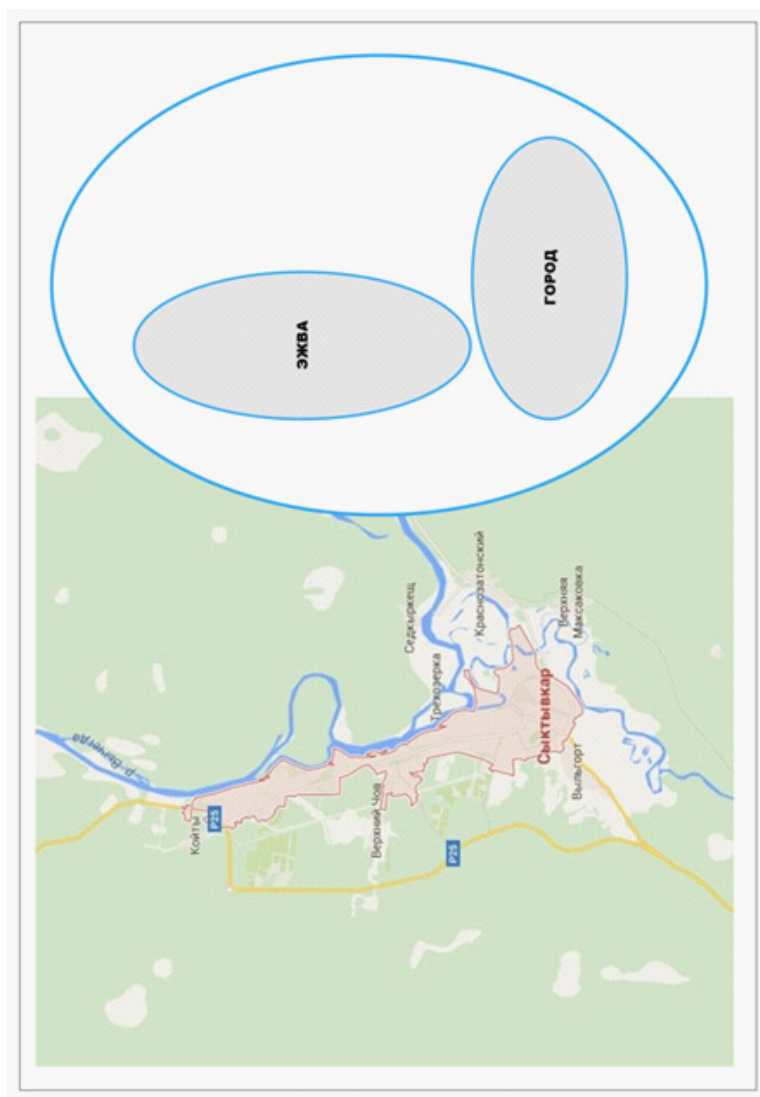

Рис. 2. Ментальная карта современного Сыктывкара

цессе крестьянской колонизации этой территории, т.е. много столетий тому назад. К примеру, Архангельск как губернский центр естественным образом делился на ухоженную и парадную Немецкую Слободу на правом берегу Северной Двины (которая, правда, занимала лишь небольшую часть исторического центра), где проживали чиновники, купцы, иностранные торговцы, разночинная интеллигенция, и морскую слободу – Соломбалу, являвшуюся рабочей окраиной, поскольку здесь селились в основном те, кто был причастен к судостроению (на этом острове располагалось Адмиралтейство, учреждённое Петром Первым), рыбным промыслам и деревообработке. Архангелогородцы до сих пор, говоря «город», территориально ограничивают его пространство, ибо имеют в виду ухоженный центр между Кузнечевским и Северодвинским мостами, т.е. историческую часть Архангельска (рис. 3). И образ Архангельска как города с одной длинной улицей, протянутой вдоль реки и зажатый между английским и немецким подворьями, сохранился в сознании горожан с давних пор, поскольку собственно городом издавна считалась ограниченная территория, о которой и ныне говорят как о «городе» коренные жители [Попова, 2016], а за ее пределами город приобретал уже совсем иной характер и в по архитектурному облику, и по уровню благоустройства, и по составу населения, а потому эти территории воспринимались горожанами как специфические и изолированные от основного города пространства.

Соломбала расположена на острове (группе островов) и долгое время имела даже статус селения Соломбальского (официально вошло в состав города в 1863 г.), а эпопея строительства моста между островом и основной частью города длилась более ста лет, поскольку деревянные мосты регулярно полностью разрушались во время половодий [Попов, 2003]. Географические и социальные границы превратили Соломбалу в «особый мир», как пишут краеведы, а у её населения сформировалась своя четко выраженная локальная идентичность.

Остатки этой локальной идентичности можно встретить до сих пор. Примером чему может служить городской фольклор и, в частности, широко распространенная у архангелогородцев поговорка типа «дел как у соломбалки» (т.е. множество ежедневных хлопот).

Рис. 3. «Город» в трактовке старых архангелогородцев

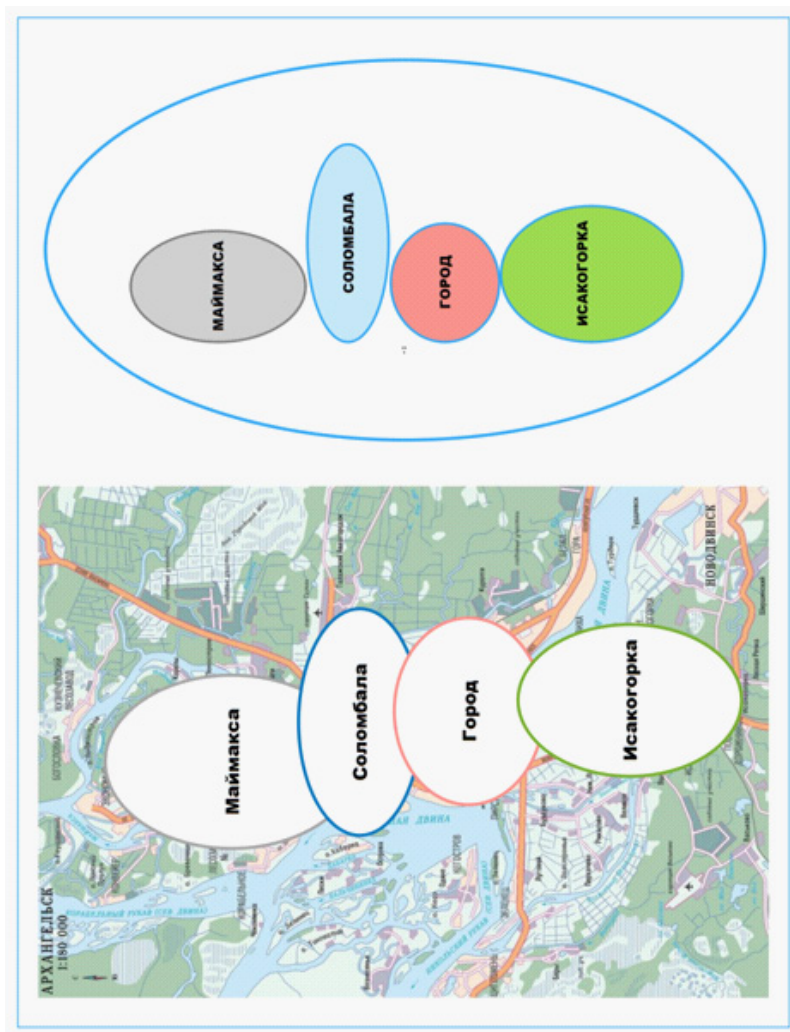

Рис. 5. Ментальная карта Архангельска

Превращение Архангельска и области в эпоху советской индустриализации во «всесоюзную лесопилку» привело к тому, что здесь на окраинах и на месте бывших деревень были построены лесобиржа, Сломбальский ЦБК, более десятка лесопильных заводов, лесной порт, гидролизный завод, завод «Красная кузница» и сформировался специфический рабочий район Маймакса (официально вошел в состав города в 1924 г.). Расширение границ города происходило за счет включения в его черту деревень, располагавшихся вдоль берега Северной Двины, ибо здесь строились новые лесозаводы, для каждого из которых был необходим свой сплавной рейд, поскольку основным способом доставки леса был его сплав по реке. Так были включены в состав города не только Маймакса, но Экономия, Варварино, Фактория Цигломень и другие, при этом деревни сливались с возникавшими рядом с ними рабочими поселками и становились районами города.

Освоение Севера и его лесных богатств осуществлялось силами заключенных ГУЛАГа, и Архангельская область вместе с другими районами Европейского Севера была одним из основных регионов, куда ссылали сначала раскулаченных из центральных и южных областей страны, а затем и узников сталинских лагерей. Многие из них затем стали селиться на окраинах Архангельска, включая район Маймакса, и сюда же стекались те, кого местные называемые «вербованными», – люди, прибывшие на конкретные предприятия Севера, заключив соглашение с государственными вербовщиками в надежде получить высокий заработок, из других регионов страны, а часто по окончании службы в армии (нередко это были парни из сел, которые не хотели возвращаться в колхозы). Для них город не являлся родиной, не имел того символического значения, какое он приобрел для местного поморского населения. Потому промышленная Маймакса была «не совсем Архангельском», ее жители – «не совсем» архангелогородцами, а поэтому маркировались как отдельное городское сообщество, которое до сих пор воспринимается именно так. Сама территория в социальной географии города маркируется как проблемный, неухоженный, неблагоустроенный и криминальный район.

Для исторических городов Севера разделение городского населения на отдельные городские сообщества стало некой культурной нормой в советский период. На юге Архангельской области в одном из самых старых городов – бывшем уездном центре (ныне – райцентре) Вельске (основан в 1137 г.) как и в Архангельске, Сыктывкаре, многих других исторических городах, уже в первые годы советской власти были разрушены храмы, являвшиеся как символическими доминантами городской среды, так и объектами объединяющими городские пространства. Была разрушена и значительная часть исторической застройки, а прошедшая через город в 1941 г. Северная железная дорога разделила городское пространство на «старый»

и «новый» город. Индустриализация и последующее развитие города привело к освоению территорий на другом берегу Ваги, – там сформировался специфический район Лесобазы-1 (затем возникла и Лесобазы-2 по другую сторону железной дороги), где были построены лесоперерабатывающие предприятия и возникли два рабочих поселка с деревянной малоэтажной застройкой улиц и образом жизни рабочей окраины. Даже символика улиц в исторической части и на Лесобазе была разной. В историческом центре главная улица – это по-советски маркированная улица Кирова, на Лесобазе – улица Заводская. Таким образом, если использовать типологию городов, укоренившуюся в западной антропологии города, можно сказать, что исторические города на Европейском Севере в процессе советской индустриализации превратились в разделенные города [Вахштайн, 2022].

Оппозиция северной и южной столицы имеет место и в Республике Коми, причем она сформировалась достаточно давно. Как уже замечено, Сыктывкар – это столица и самый старый город республики (статус города получил в 1780 г.) с довольно долгой историей. Но, на наш взгляд, ни городской текст, ни городская идентичность здесь до сих пор не являются устойчивыми культурными явлениями. Изданий, рассказывающих о городе и его жителях, в предшествующие годы было опубликовано мало, и они не впечатляли своим содержанием. Сегодня таковые уже появились, и в числе их книга М. Рогачева «Столица Зырянского края», повествующая о дореволюционном Усть-Сысольске и образе жизни горожан того периода [Рогачев, 2010], роскошное издание «Сыктывкар в прошлом и настоящем», изданное к 240-летию присвоения Сыктывкару статуса города [Сыктывкар, 2020].

Однако в исторических описаниях города человек и городское сообщество тоже часто присутствуют достаточно условно. Песен и стихов о Сыктывкаре написано меньше, чем о Воркуте. И это, наверное, не случайно, поскольку представители коми творческой элиты, которая в большинстве своем сосредоточена в столице, практически полностью своими корнями связана с деревней. Многие сюжеты своих произведений и героев современные коми писатели находят на селе. Впрочем, аналогичная ситуация складывается и в других республиках с финно-угорским населением [Большая, 2007].

Делаются попытки активизировать и практику этнизации городской среды путем символического присвоения пространства Сыктывкара отдельными этническими группами, ибо на сыктывкарских городских конференциях коми народа регулярно звучат призывы «придать национальный колорит» столице республики. Как реакция на эти призывы, появились не только двуязычные названия улиц и учреждений, не только коми названия объектов общепита и торговли, но и орнаменты на фонарных столбах (представляемые как коми национальный орнамент). Появилась сеть мага-

зинов с коми названием «Матö», призванных продавать товары местного производства.

Но одновременно идет и интернационализация городского пространства, которая характерна как для крупных российских городов, так и западных мегаполисов. В больших городах построены крупные торговые центры с магазинами, торгующими товарами различных мировых брендов, там же появились рестораны быстрого питания, принадлежащие к международным сетям: «Макдональдс» (теперь это сеть «Вкусно и точка»), «KFC», пиццерии, суши-бары.

Несмотря ни на какие политические коллизии, сегодняшний Сыктывкар многоязычен и многоультурен, как и другие крупные современные города, поэтому у него нет и, вероятно, не может быть какой-то одной этнической доминанты, как и у столиц других этнических автономий.

Неоднородность и мозаичность городского пространства особенно очевидна для городов, возникших в эпоху СССР и, в частности, для новых городов Коми, созданных вдоль Северной железной дороги. Город Сосногорск, являющийся важнейшим железнодорожным узлом, делится на железнодорожную часть и поселок (квартал) газовиков – работников газохимического завода, город Печора – на железнодорожную и речную часть, до сих пор не слившиеся в единое городское пространство. Но наиболее показательно, конечно, пространственная организация Воркуты, долгое время являвшейся вторым по численности населения городом республики.

Пространственная среда города окончательно сформировалась в 1950–1970-е гг., хотя поселок Рудник как исторический центр города возник в 1929 г., когда сюда из Соловецкого лагеря прибыла партия специалистов для проведения геологоразведочных работ. В послевоенный период вместо первых маломощных и плохо оснащенных шахт строились новые с большими объемами добычи и высоким уровнем механизации труда, возле каждой такой шахты возникал шахтерский поселок, который располагался довольно далеко от относительно компактного городского центра, где размещались городские власти, основные культурные и образовательные учреждения. Все поселки были связаны с центром 70-километровой кольцевой дорогой и составляли вместе с городом единое поселение – Воркутинский горсовет (позднее – Воркутинский городской округ). В его состав входили поселки Северный, Цементозаводской, Юршор, Промышленный, Октябрьский, Заполярный, Комсомольский, Новый, Монтажный, Горняцкий, Северный, Советский, Воргашорский и др. Воркутинский поселок был центром жизни для жителей. И именно из этих поселков выросла современная Воркута, и именно в поселках родилась воркутинская идентичность [Шабает, 2020: 26]. Поселок стал основой топографии города в его «золотой век» – 1960–1970-е гг. Подобная топография города получила

у местных жителей название «шахты по кругу» (рис. 6), хотя в реальности никакого «круга» не было, а поселок Халмерью вообще располагался в 90 км к северу от города.

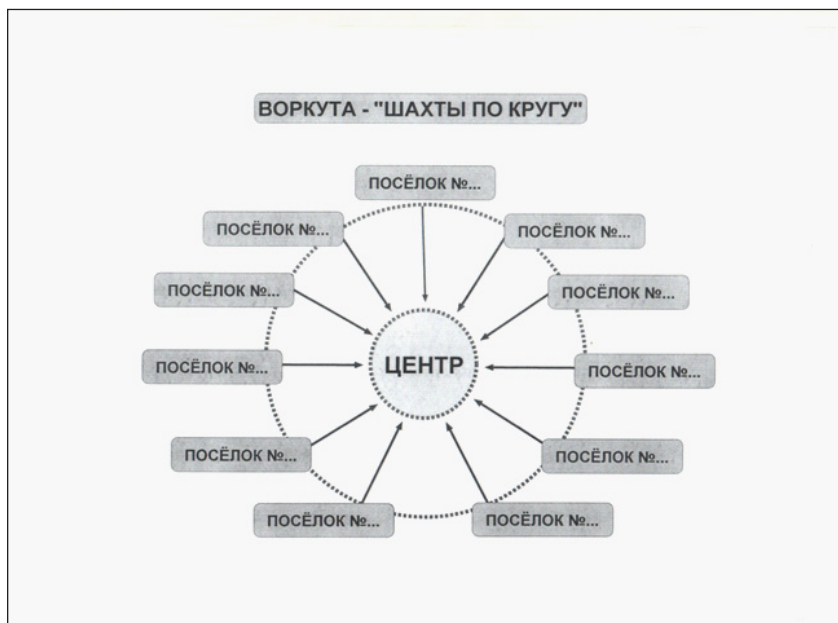

Рис. 6. Ментальная карта Воркуты в эпоху ее расцвета (1960–1980-е гг.)

Но главное принципиальное отличие индустриальных городов Севера (соцгородов) от исторических городов состояло в характере городской идентичности. В соцгородах не было принимающего сообщества, в которое мигранты должны были интегрироваться. В «классической теории ассимиляции», которую обосновали в 1960-х гг. представители Чикагской школы, «ассимиляция» мигрантов в принимающее сообщество рассматривалась как естественный процесс односторонней индивидуальной интеграции [Park, 1928], основанный на длинном цикле включения мигрантов в сообщество с течением времени. Но ассимилироваться в уже сформировавшуюся культурную среду мигрантам не было необходимости. Все северные индустриальные города были и остаются городами, где население полностью сформировано из мигрантов и их детей. Часть горожан составляли бывшие узники лагерей ГУЛАГа, многим из которых даже после освобождения было долгое время запрещено покидать Север (не случайно Воркуту еще в 1960-е гг. называли городом эзков). Другая часть – из направляемых по распределению после окончания средних специальных

учебных заведений, техникумов и вузов специалистов и завербованных в разных уголках страны рабочих.

В числе завербованных в 1950-е гг. было много молодых людей, отслуживших в армии, которые после демобилизации не хотели возвращаться в свои деревни и заниматься плохо оплачиваемым и тяжелым колхозным трудом, или жителей тех городов и поселков Центральной России, в которых население с трудом налаживало жизнь после оккупации. Эти молодые люди создавали здесь семьи и укоренялись на новом месте жительства (правда, невест выбирали обычно в своих родных деревнях и городах). Выбору подобных жизненных стратегий способствовало то обстоятельство, что молодые семьи на Севере быстрее получали квартиры, имели стабильный и высокий заработок, а снабжение здесь в советские годы было на порядок лучше, чем в средней полосе России. Приехав на время, мигранты оставались в северных соцгородах на десятилетия (хотя подвижность населения была высокой, и треть мигрантов покидали северные города в первые три года проживания там). Поэтому они активно интегрировались в городское сообщество и становились носителями хорошо выраженной и достаточно устойчивой городской идентичности, чему способствовали и личные судьбы многих воркутинцев или воркутян, как говорится в неофициальном «Гимне старых воркутян»:

«Одна судьба, одна беда
Связала прочно нас.
Забыть не можем никогда
Той дружбы без прикрас.
Одной мы ложкой ели,
Одни мы песни пели» [Зими́на, 2007: 9].

В Воркуте есть и официальный гимн, написанный известнейшим советским и российским композитором Александрой Пахмутовой, но официоз не отражает сложного характера формирования городского сообщества и личного восприятия этого процесса. Между тем важно заметить, что как во времена Первой Воркуты, так и позднее личные судьбы горожан были во многом схожими, поскольку переселялись на Север нередко сразу группами однополчан, земляков, товарищей по работе (с Донбасса в Воркуту порой переезжали целыми бригадами) что упрощало адаптацию к суровым условиям жизни на Севере и контакты с другими жителями. Поскольку переселялись в основном молодые мужчины и женщины, постольку все они были деятельны и активны, что стимулировало межличностные контакты и земляческие связи. А тот факт, что почти все население северных городов было прямо или косвенно причастно к одному общему делу, только укрепляло общую идентичность, усиливало внутреннюю интеракцию в городском сообществе и модель Уайта в данном случае хорошо объясняет

тот факт, что в Воркуте, Мончегорске, Кировске, Полярных Звездах и т.д. сформировались в советские годы прочные и очевидные городские идентичности. Этому способствовал высокий уровень социальной солидарности горожан, связанных общим делом. Именно гражданская солидарность и общая идентичность способствовали тому, что на рубеже 1980–1990-х гг. Воркута стала центром рабочего движения сначала в СССР [Ильин, 1998], а затем и в постсоветской России. Высокий уровень социальной солидарности и взаимопомощи горожан отмечают многие бывшие жители северных городов, об этом же свидетельствует и поздняя советская фильмография, ибо ранняя творила миф о покорителях севера [Kaganovsky, 2017]. Примером тому может служить фильм «Мужики» (1981 г.) с Александром Михайловым в главной роли, герой которого бывший деревенский житель, работающий много лет на одном из рудников Кольского полуострова.

Важно заметить, что в Воркуте (Воркутинском городском округе), как и в ряде других городов Севера, значительная часть населения, как сказано выше, проживала в поселках, но все называли себя воркутинцами и поселковые идентичности были, но не являлись актуальными. Добыча угля была общим делом горожан: геологи вели разведку новых угольных полей и подготовку их к разработке, шахтеры добывали уголь, работников обогащательных фабрик доводили его до товарного вида, железнодорожники занимались его транспортировкой, учителя учили детей шахтеров в школах, а преподаватели филиала Горного института готовили новые инженерные кадры для шахт, в местном ПТУ вели подготовку молодых рабочих. Такая же ситуация была и в других индустриальных городах европейского севера с монопромышленным профилем городской экономики. Как отмечает российский исследователь В. Малахов, «промигрантски настроенные города сформировали сети взаимодействия (city networks), которые обеспечивали сотрудничество как по горизонтали..., так и по вертикали...» [Малахов, 2019: 92].

Рынок и рыночные отношения разрушили экономическую основу воркутинского сообщества и других городских сообществ на Европейском Севере и в российской Арктике в целом. Многие шахты, рудники, предприятия стали нерентабельными и закрылись, а вместе с ними были ликвидированы и поселки. Сегодня, к примеру, в Воркуте из 11 шахт осталось только четыре, и всего три поселка. Население современной Воркуты (вместе с поселками) по официальным данным (которые неточны) составляет менее 70 тыс. чел., т.е. по сравнению с 1989 г. оно сократилось втрое. В городе тысячи пустующих квартир, и не случайно у самих нынешних воркутинцев в большинстве своем сложился единый образ города – «Умирающий город». То же самое можно сказать и о многих других некогда процветавших индустриальных городах Европейского Севера. Маркер «умирающий

город» (рис.7) стал уже неким культурным клише, на различных интернет-ресурсах, где есть целые тематические подборки: «Города-призраки Мурманской области», «Мертвые города на Кольском полуострове», «Умиравшая Карелия: заброшенные заводы и поселки в объективе фотокамеры», «Вымирание малых городов Карелии: причины и следствия», «Архангельск. Умиравший край лесорубов». Поэтому ментальная карта этих городов может быть общей, ибо все они окружены «ржавыми поясами».

Рис. 7. Ментальная карта современных индустриальных городов Севера

Ситуацию в Воркуте нередко описывают в Рунете различные блогеры, называя ее «самым быстро умирающим городом России». Между тем сокращение населения в городском поселке Амдерме, которую в советские годы называли «Воротами в Арктику» шло гораздо более интенсивно: если с 1989 г. население Воркуты сократилось втрое, то население Амдермы

в 15–20 раз (точных данных о численности ее современного населения нет). Сегодня почти из всех городов Европейского Севера идет интенсивный отток населения и в первую очередь молодежи (исключением в последние годы стали Мурманск и Нарьян-Мар). В этих условиях для возрождения городских центров можно и нужно задействовать различные ресурсы, включая культурные и сугубо символические, а потому ресурс региональной столичности все чаще используется в целях брендинга культурной специфики города.

СТОЛИЧНОСТЬ КАК ФОРМА КУЛЬТУРНОГО МАРКИРОВАНИЯ ГОРОДА

Специфика северных городов состоит в том, что они естественным образом воспринимаются как центры цивилизации, призванные «окультуривать» обширные малонаселенные пространства, обеспечивать функционирование институтов социального сервиса, коммуникаций и производственных систем, что придавало им роль и значение не только региональных хозяйственных центров, но и придавало им символическое значение «городов на холме» – форпостов цивилизации, культурно значимых поселений. Отсюда возникло некая символическая периферийная «столичность», когда отдельные города приобретали статус символической региональной «столицы».

Так, Архангельск долгое время был не только крупнейшим городом Европейского Севера, важнейшим торговым портом и «окном в Европу», а также губернским центром, которому была подчинена территория от Норвегии и Финляндии до Полярного Урала. Одновременно он слыл и одним из самых европейских, цивилизованных городов России, что нашло отражение в фольклорной традиции и описаниях [Лимерова, 2020: 105–113]. В архангельском фольклоре есть сюжет о соперничестве Архангельска и Петербурга и о том, как строительство Петербурга привело к падению роли Архангельска и архангельского порта. С 1929 по 1936 г. город был столицей обширного Северного края и позднее стал конкурировать с Мурманском за звание столицы российской Арктики. А «столичная идентичность мурманчан основывается на том, что Мурманск – областной центр, его называют главным городом Кольского полуострова, столицей Заполярья. Именно «столичность» Мурманска позволяет мурманчанам противопоставлять себя жителям других регионов» [Змеева, 2020: 74]. Архангельск же долгое время воспринимался как столица «Русского Севера», что вполне закономерно, поскольку термин «Русский Север» был введен в публичную сферу не кем иным, как одним из самых известных губернаторов Архангельской губернии Г. П. Энгельгардтом, хотя после многолетнего забвения

этого термина, воспринимающегося сегодня как топоним, некую конкуренцию Архангельску в этом качестве составляет Вологда (поскольку понятие «Русский Север» в расширительном толковании охватывает территории бывших Вологодской, Архангельской и Олонецкой губерний). В постсоветскую эпоху, когда произошла актуализация поморской идентичности, а идея Поморья была активно вовлечена в публичную сферу местными исследователями, Архангельск стали называть «столицей Поморья», хотя границы этой культурной провинции являются неопределенными, как и границы «Русского Севера».

Великий Устюг, который одно время являлся «столицей» Северодвинской губернии, теперь является сегодня «новогодней столицей» России, ибо здесь расположена «резиденция» Деда Мороза и именно эта идея, а не богатое историческое прошлое и культурное наследие являются основой городского брендинга. Тотма позиционирует себя как «столицу» российских мореходов, ибо тотемские купцы снарядили более 20 экспедиций в полярные моря и на Тихий океан, что больше, чем было организовано московскими, вологодскими и великоустюжскими купцами вместе взятыми. Отсюда родом многие видные российские мореходы и землепроходцы, поэтому не случайно, что в городе создан «Музей мореходов», а в популярном у туристов и дальнобойщиков мотеле возле города на трассе Великий Устюг–Тотма–Чекшино–Вологда, который носит название «Арктика», висят портреты мореходов, карты морских путешествий и гравюры с изображениями судов. Вельск, как уже говорилось, претендует на роль «столицы» Важского края, который должен объединить северные районы Вологодчины (Вельск до 1929 г. находился в составе Вологодской области) и южные районы Архангельской.

В Республике Коми на «столичный» статус претендует (помимо официальной столицы Сыктывкара) и шахтерская Воркута. В Воркуте категория столичности – это часть актуальной городской мифологии. У воркутинцев комплекс столичности многослойный, но эта многослойность основывается как на исторической памяти, так на специфике городского хозяйства. Можно привести в качестве примера целый ряд местных лозунгов и культурных маркеров: «Воркута – шахтерская столица», «Воркута – столица ГУЛАГа», «Воркута – столица вечной мерзлоты».

В Мурманской области тоже условно можно выделить две «столицы», ибо официальная столица Мурманск, которую некоторые местные интеллектуалы называют единственным «настоящим городом» противостоит Апатитам, где сосредоточена научная элита региона: здесь действует, основанный еще в 1930 г. Кольский научный центр (раньше многих других научных центров), в составе которого работает 10 академических институтов [Разумова, 2009]. Кроме того, Апатиты расположены не на периферии об-

ласти, а ближе к ее центру, и известность города во внешнем мире, вероятно, не меньше, чем у Мурманска.

Другой формой репрезентации столичности является уподобление столицам. Примером тому является Мончегорск, ибо исследователи отмечают его «петербургскость», что отчасти связано с тем, что и генеральный план города, и многие здания проектировались ленинградскими архитекторами. Наиболее комфортная набережная (город примыкает к нескольким озерам и Монче-губе) носит название Ленинградской, а Монче-губа, к которой она примыкает, как бы является аналогом Финского залива. В социально-антропологическом очерке И.Разумовой о городах Кольского полуострова целый параграф посвящен описанию городской культурной среды Мончегорска и называется «Маленький Санкт-Петербург», т.е. город в ее представлении по степени комфортности есть своеобразный аналог «второй» или «культурной» столицы России [Разумова, 2009: 90–100].

Мурманск и Архангельск конкурируют за звание «столицы Российской Арктики», ибо в одном городе базируется арктический ледокольный флот, а из второго исторически начиналось и сегодня продолжается изучение арктических территорий и акваторий. Впрочем, как отмечает в «Арктическом ежегоднике» Петер Хемерсам, многие города с целью привлечения туристов борются за негласное звание «столицы Арктики» [Hammersam, 2021].

Мэрия Сыктывкара по совету экспертов Московской школы управления «Сколково» и Института медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», НИУ «Высшая школа экономики» объявила о реализации проекта «Сыктывкар – столица леса». Местные журналисты сочли, что город нашел свою «изюминку» [Шучалина, 2021]. Будущее покажет, насколько успешно Сыктывкар сможет на этом символическом поле конкурировать за «столичный» статус с Архангельском, где давно развита лесная и лесоперерабатывающая промышленность.

Борьба за столичность принимает разные формы. Так, депутаты Совета Сыктывкара выступили с инициативой принятия закона о статусе столицы Коми. Руководство города отмечало, что «с принятием республиканского закона о присвоении статуса столицы Сыктывкар получит пакет функциональных возможностей, которые позволят вывести город на качественно новый уровень» [Наталья Хозяинова объяснила, 2021]. (Аналогичный закон уже принимался в 1998 г., но утратил силу в 2008 г.). В феврале 2022 г. закон «О статусе столицы Республики Коми» был принят. Конечно, само по себе принятие закона не может автоматически придать тому или иному городу «столичный лоск». «Столичность» формируется столетиями и во многом зависит от того, как воспринимают город сами жители, какова его социальная, эстетическая среда, каков уровень комфорта и уровень жизни горожан, какова степень развития сервиса, инфраструктуры,

торговли, насколько развиты здесь культурные институты. «Столичному» уровню должны соответствовать витрины магазинов и выбор в них товаров, уровень сервиса, эстетика городской среды (ландшафтный дизайн, флористика, качество архитектурных решений и наружной рекламы).

Понятно, что качество и уровень развития культурных институтов в региональных столицах не может не уступать тому, что есть в Москве и Санкт-Петербурге. Тем не менее «столичность» Петрозаводска, Мурманска, Архангельска, Сыктывкара, Нарьян-Мара требует соответствующего, согласующегося с этим официальным статусом реального функционала и уровня развития культурной и социальной сферы. Но и сама по себе символика столичности делает «региональные столицы» более привлекательными городами для жизни, а потому они в меньшей мере теряют население, нежели другие города Европейского Севера, в том числе и те, в которых столичность является лишь сугубо вербальным маркером. Маркеры столичности конструируются как сверху в рамках модной ныне политики городского брендинга, так и снизу, отражая общественное восприятие северных городов.

ВЫВОДЫ

Специфика северных городов состоит в том, что они естественным образом воспринимаются как центры цивилизации, призванные «окультуривать» обширные малонаселенные пространства, обеспечивать функционирование институтов социального сервиса, коммуникаций и производственных систем, что придавало им роль и значение не только региональных хозяйственных центров, но и позволяло придавать им неформальный статус местных «столиц», конструировать их символическое значение как «городов на холме» – форпостов цивилизации, культурно значимых поселений.

Литература

Бранденбург Н.Е. Старая Ладога. СПб.: Издание императорского русского археологического общества, 1896. 90 с.

Буяновский И. Сыктывкар. Часть 1: От вокзала до Стефановской площади//www.varandj.livejournal.com/361811.html.

Вахитайн В. Воображая город. Введение в теорию концептуализации. М.: «Новое литературное обозрение», 2022. 576 с.

Воркута – город на угле, город в Арктике. Второе дополненное и переработанное издание / под ред. М.В. Гецен. Сыктывкар: ГУ «Республиканский экологический центр по изучению и охране восточноевропейских

тундр» при Министерстве природных ресурсов и охраны окружающей среды РК, 2011.

Дятлов В.И. Столицы **сибирских автономий: советский проект** национал-строительства и этнизации городского пространства // Вестник ТГУ. История. 2015. № 5. С. 238–246.

Жеребцов И.Л. «Погост на Усть-Сысолы реке» // Сыктывкар и сыктывкарцы. Сыктывкар, 2004. С. 6–43.

Жеребцов И.Л. Каким был и не был «Лялькин город» // Лялькин город. Письма Сергея Довлатова в Сыктывкар. Сыктывкар, 2023. С. 102–109.

Жеребцов И.Л., Лейман И.И. Создание Коми автономии как результат национальной политики большевиков // История. Журнал Белорусского государственного университета. 2021. № 4. С. 44–53.

Жеребцова И.И. Репрессированная культура. Феномен российских немцев // Страницы истории политических репрессий в Коми АССР (30–50-е гг. XX в.). Приложение к мартирологу «Покаяние», вып. 1. Сыктывкар, 2003. С. 36–42.

Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Российская Арктика. К новому пониманию процессов освоения. М.: URSS. 2019. 400 с.

Зими́на А. Гимн старых воркутян // Высокие широты. Воркута, 2007.

Змеева О. «Старый» – «новый» Мурманск: город и его жители // Антропология города. Вып. 2: Северный город. Культурное пространство и культурные идентичности в арктических и субарктических городах / под ред. Ю.П. Шабаева, И.Л. Жеребцова. Сыктывкар: ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2019. С. 48–60.

Игнатова Н.М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2009. 192 с.

Из истории спецпоселков в Северном крае // 15 января 2022. Вестник архивиста / URL: <https://www.vestarchive.ru/issledovaniia/702-n-.pdf>.

Ильин В.И. Власть и уголь. Шахтерское движение Воркуты (1989–1998). Сыктывкар: СГУ, 1998. 272 с.

Кирпичников А.Н. Старая Ладога: древняя столица Руси. СПб.: Славия, 1996. 200 с.

Кортаев В.И. На пороге демографической катастрофы: принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 30-е годы XX века. Архангельск: Поморский университет, 2004. 133 с.

Лимерова В. Образ Архангельска в стихотворениях и очерках М. Ф. Истомина // Антропология города. Выпуск 2: Северный город: Культурное пространство и культурные идентичности в арктических и субарктических городах / под ред. Ю.П. Шабаева, И.Л. Жеребцова, М.А. Омарова. М.: РГГУ; Сыктывкар: ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2020. С. 105–113.

Малахов В.С. Глобальное управление в сфере миграции: теория, институты, политика // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 10. С. 89–96.

Меерович М.Г., Меньковский В.И., Жеребцов И.Л. «Социалистический город»: Идея и ее воплощение в Советском Союзе 1920–1930-х гг. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2019. 72 с.

Меерович М.Г., Меньковский В.И., Жеребцов И.Л. Дискуссия об «обобщественном быте» // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. История и филология. 2020. № 5 (45). С. 5–16.

Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1997. 190 с.

Наталья Хозяинова объяснила, зачем Сыктывкару статус столицы // <https://pg11.ru/news/82562>.

Попов Г.П. Старый Архангельск. Архангельск: Правда Севера, 2003. 576 с.

Попова Л.Д. Образы Архангельска в мемуаристике и записках путешественников // Геополитика Севера в русской литературе и текстах культуры народов циркумполярного мира. Поморские чтения по семиотике культуры, выпуск 9. Архангельск: Мин-во образования Арханг. обл., Сев. (Аркт.) федер. ун-т, 2016. С. 124–139.

Разумова И.А. Культурный ландшафт Кольского севера: города у «Большой воды» и Хибин. Социально-антропологические очерки. СПб.: «ГАМАС», 2009. 160 с.

Рогачев М.Б. Столица зырянского края: Очерки истории Усть-Сысольска конца XVIII – начала XX веков. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2010. 246 с.

Рыжакова С.И. «Вокруг повсюду песчаные горы, сама Рига в воде» (Рига: город и миф) // Балто-славянские исследования XV. Сборник научных трудов. М.: Индрик, 2002. С. 77–93.

Самойлов Л. Этнография лагеря // Советская этнография. 1990. № 1. С. 96–108.

Сыктывкар в прошлом и настоящем (исторические очерки). Сыктывкар, 2020. 664 с.

Шабаев Ю.П. Меняющиеся лики мигрантского сообщества // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 39–53.

Шабаев Ю.П. Париж, Сайгон и Западный Берлин в одном городе: множественность образов и идентичностей в культурном пространстве столицы Коми // Антропология города. Вып.1. Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 10–42.

Шабает Ю., Жеребцов И., Лабунова О. Антропология заполярного города: идентичность, ментальная карта и меняющиеся образы Воркуты // Антропология города. Вып. 2. Северный город: Культурное пространство и идентичности в арктических и субарктических городах. Москва–Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2020. С. 12–50.

Шучалина Д. Столица леса. Сыктывкар нашел свою «изюминку» // Панорама столицы. 2021, 4 дек.

Berdinskikh V.A., Menkovskiy V. I., Zherebtsov I.L. GULAG: ideology and economy of forced labour in the XX century. Banska Bystrica: Bellianum, Matej Bel University, 2017. 190 p.

Hammersam P. Arctictness and the Urbanism of the North // Defining and Mapping the Arctic. Sovereignities, Policies and Derception / Eds. Heininen, I., H. Exner-Pirot & J. Barnes. Arctic Year book 2021. Akureyri, Iceland: Arctic Portal. URL: <http://www.arcticyearbook.com>

Kaganovsky L. The negative space in the National Imagination: Russia and Arctic//Körber, L. A., MacKenzie, S., & Stenport, A. W. (Eds.). Arctic environmental modernities: From the age of polar exploration to the era of the anthropocene. Palgrave Macmillan, 2017. P. 169–182.

Meerovich M., Menkovsky V., Zherebtsov I. «Socialist city»: Idea and its realization in the Soviet Union 1920's and 1930's. Banska Bystrica: Belianum, 2019. 154 p.

Park R.E. Human migration and the marginal man // The American Journal of Sociology. 1928. № 33(6). P. 881–893.

White H. C. Identity and Control: How Social Formations Emerg / Second edition. Princeton: Princeton University Press, 2008. 472 p.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
О российских столицах и этнокультурном маркировании их пространств	3
Этничность в «этнических столицах»	7
Северная урбанизация	12
Сыктывкар vs Воркута	19
Столичность как форма культурного маркирования города	36
Выводы	39
Литература	39

Юрий Петрович Шабает
Игорь Любомирович Жеребцов

**КАТЕГОРИЯ СТОЛИЧНОСТИ
В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
КОМИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ**

*Материалы к научным конференциям
Выпуск 53*

*Материалы к Всероссийской научной конференции
с международным участием
«Региональные столицы России – точки опоры и роста»
(Екатеринбург – Пермь, 20–22 сентября 2023 г.)*

Оригинал-макет Н.К. Забоевой.

Формат 60 x 90 1/16. Усл. печ. л. 2,75. Уч.-изд. л. 2,5.
Тираж 300. Заказ № 157.

Информационно-издательский отдел
Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26.